

А. В. Головнёв

АНТРОПОЛОГИЯ ПУТЕШЕСТВИЯ: ОТ *IMAGO MUNDI* ДО *SELFIE**

УДК 39:82-992

ББК 63.500

Антропология путешествия, в отличие от описаний географических открытий, сфокусирована на мотивах и состояниях самого путешественника. Обзор путешествий различных эпох и стран обнаруживает своеобразие мотивов европейцев и азиатов, русских и китайцев, кочевников и жителей городов. При этом можно вести речь о целой иерархии путешествий, во многом соотносимой с иерархией социальной. Главное в путешествии — движение, пересечение границ и открытие нового (для себя) мира. Путешествие — это право на чужое, на освоение и присвоение мира и в то же время способ утверждения себя в этом мире. Несмотря на значимость в творении картины мира, путешествие с древности имело и до сих пор сохраняет оттенок трикстерства. Путешественник не только творит иллюзии, но и сам нередко превращается в иллюзию. Один из мотивов путешествий — обретение или повышение статуса. «Маскарадная» природа путешествия и туризма густо замешана на сексуальности. Возможно, поход за женщинами был исходным, натуральным видом путешествия. Сегодня мир открыт настолько, что целиком и по частям вписан в ассортимент туристических услуг, и на смену искателям открытий пришли агенты сервиса. Сегодняшний *imago mundi* — меню турбизнеса. Современное явление *selfie* — эго-самовыражение, дозволенное свободой киберсетей, и в то же время представление мира как фона для этого самовыражения.

Ключевые слова: *путешествие, антропология, движение, imago mundi, selfie, туризм*

Мир — это книга, но лишь одну ее страницу читает тот, кто не путешествует.

Августин Блаженный

Во все времена путешествие было ключом к открытиям, а сегодня мы пытаемся открыть само путешествие. Попытки науки препарировать живое явление, особенно в поле антропологии, иногда удручающе бесплодны и скучны: рациональные объяснения губят магию неясности, без которой изучаемая сцена лишена не только очарования, но и смысла. Это относится ко всему, что связано с мотивами, интригами, эмоциями, в том числе к путешествию с его тягой к неизвестности. Несет ли в себе затея исследовать путешествие угрозу его напрасного расколдования, когда стараниями ученого на месте волшебства остается пустота?

Путешествие как мировое явление содержит в себе не только огромный свод опыта, но и некротимые амбиции, будто заявляя с порога: «Я само себя открыло, я и без вас открытие». Его исследование обладает свойством калей-

доскопа: всякое новое наблюдение не только открывает затененную прежде грань, но и смещает точку отсчета, рассыпает и заново собирает общую композицию. Смена точек происходит с каждым очередным известием, со сменой настроения и не форматирует массив данных в универсальную формулу, а порождает эффект снежного кома с растущей скоростью вращения. В какой-то момент обнаруживается, что главное в этом феномене — не идеальный алгоритм, а состояние движения в многообразии его проявлений.

Какими бы рамками ни ограничивали путешествие, оно упрямо их преодолевает, затрагивая и охватывая неожиданные события, настроения, факты и фикции. Самым удобным способом восприятия путешествия оказывается его осуществление. «Путешествие с Геродотом» служит лучшим методом его толкования,¹ при этом пересечение путей во времени и пространстве вызывает резонанс «путешествия в путешествии».

Антропология путешествия, в отличие от описаний географических открытий, сфокусирована на мотивах и состояниях самого путешественника. Здесь древность, как нигде, близка к современности, и опыты далеких предшественников, как и старые мифы, перекликаются

Головнёв Андрей Владимирович — чл.-корр. РАН, д.и.н., г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00413 «Антропология путешествия в этноисторическом контексте» (рук. А. В. Головнёв)

¹ См.: Marozzi J. The man who invented history: Travels with Herodotus. London, 2008.

с происходящим сейчас. Странствия обнажают в человеке черты, явно сближающие его с людьми иных пространств и веков. Однако в чем-то каждый из нас путешествует по-своему, и особой ценностью обладает именно крупица персональной уникальности, пусть даже выдуманная. Для сегодняшнего путешествия в путешествие я выбираю два ориентира: сначала релятивистским шагом пройду по культурам и эпохам, затем феноменологическим взглядом оглянусь на пройденное.

Мозаика путешествий

В современном русском языке синонимический ряд «путешествия» — странствие, скитание, поездка, поход, экспедиция, тур, круиз, вояж и др. — передает многообразие его оттенков. Фольклорная внехристианская традиция отражена в странствиях былинных богатырей и купцов, в похождениях витязей, волхвов, скоморохов. В летописной традиции дальние поездки обозначались словами «поиде», «поеха», «хождение». Даже долгие поездки русских князей в Орду представлены летописцами в той же незамысловатой манере: в 1246 г. «поеха князь Олександр в татары», а четыре года спустя, в 1250 г., «приеха князь Олександр из орды».² В течение нескольких веков странствия назывались «хождениями», в том числе путь купца Афанасия Никитина за три моря в 1470-е гг. и паломничества в Святую землю XII–XVIII вв. (игумена Даниила в 1106–1108 гг. и Иоанна Лукьянова в 1701–1703 гг.).

Слово «шествие» добавилось к «пути» в риторике церковнослужителей как калька с греческого *ὁδοπορία* (путешествие). Выражение «путная шествия далече, мучениче богомудре, шествовал еси» встречается в Минеях. Слово «шествие», по М. Фасмеру, произошло от церковно-славянского *šьdlъ (русск. *шёл*, греч. *πορεία*), дополнив обычное «хождение» пафосом миссии, освящения, процессии. В 1353 г. владимирский епископ Алексей сотворил «путное шествие» в Царьград к святейшему патриарху на поставление в митрополиты.³ В 1389 г., согласно Патриаршей летописи, в Царствующий град совершил хождение митрополит Пимен: «Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду...»⁴ После воцарения Романовых

«путным шествием», с легкой руки патриарха Филарета, стали называть поездки царской семьи. Со временем «шествие» вошло в пастырский лексикон широкого круга архиереев. Например, в 1694 г. тобольский митрополит Игнатий (Римский-Корсаков) совершил «путное шествие» по западным уездам своей епархии, в ходе которого проповедовал, обличал раскольников, освящал вновь построенные церкви, а заодно освидетельствовал мощи Симеона Верхотурского.

При Петре I «путное шествие» обмирщилось до «путешествия» и перешло в светский лексикон. Связано это не только с секулярными настроениями царя. К XVIII в. Россия превратилась в огромную евразийскую империю, в экспансии которой роль авангарда сыграли землепроходцы, открывшие и освоившие пути, позднее пройденные воеводами.⁵ Это были казаки, гулящие, промышленные и торговые люди, а их «гуляния» представляли собой народные путешествия, включавшие одиночные странствия, военно-торговые походы и переселения. Землепроходцы оставили после себя скупые описания, но обширные земельные приращения. В XVIII в. к народным «гуляниям» добавились немецкие «экспедиции» (Д. Мессершмидта, И. Страленберга, Г. Миллера и др.), призванные изучить и инвентаризовать ресурсы империи, в том числе человеческие. Из церковного «путного шествия», фольклорного «странствия», народного «гуляния» и немецкой «экспедиции» сложилось русское «путешествие».

Общее обозначение едва ли унифицирует мотивы и пути епископа Алексия, купца Афанасия Никитина, землепроходца Ерофея Хабарова и цесаревича Николая Романова, совершившего незадолго до вступления на престол, в 1880–1881 гг., вояж по южным морям и собственным восточным владениям. Путешествиями были и дальние промыслы поморов, и зарубежные походы казаков, и паломничества, и поездки купцов, и скитания странников, и отходничество крестьян. Путешествие было своего рода портретом человека, проекцией его деятельностной схемы в диапазоне от тесной ниши крестьянина до имперского пространства монарха. Можно вести речь о целой иерархии путешествий, во многом соотносимой с иерархией социальной.

² ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 54.

³ См.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. М., 2008. С. 16.

⁴ ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 96.

⁵ См.: Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 488–535.

Путешествовед Эрик Лид, отыскивая истоки западных путешествий, соотносит английские слова *travel* и *travail* (мúки, тяжелый труд), видя в древнем странствии тяжелое испытание. Смысловое поле путешествие–опасность–риск–даль имеет общий корень *per (в лат. *experimentum* — «испытание», англ. *experience* — «опыт» и *peril* — «опасность», «риск», в готских формах *fare, fear, ferry, fern*). Сходным образом обнаруживается связь немецкого *Erfahrung* (опыт) со старогерманским *irfan* (двигаться, странствовать), а *bewandert* (ныне — «опытный», «умный») в текстах XV в. означало «попутешествовавший», «бывалый». ⁶ Это сопоставление выглядит противопоставлением: «Древние оценивали путешествие как веление судьбы и неизбежности; для современников это выражение свободы и ухода от неизбежности и обреченности. Древние видели в путешествии страдание и даже искупление, для современников это удовольствие и путь к удовольствиям». ⁷

Эволюционное древо путешествий Лид начинает с испытаний Одиссея, терзаний Гильгамеша, страданий изгнанных из Эдема пра-родителей и братоубийцы-скитальца Каина. В средние века на первый план выступает христианское паломничество как ритуальное путешествие: с IV в. прокладываются маршруты пилигримов, а в IX в. паломничество в Европе (особенно в Британии) становится модой и нормой с разработанными до мелочей правилами (пилигрим бос, безоружен, с дорожной сумой, в грубой робе и широкополой шляпе; он соблюдает пост и нигде не задерживается дольше одного ночлега). В XI в. массовые паломничества перерастают в крестовые походы и становятся формой «вооруженного паломничества» или «военного туризма». Вскоре наступает эпоха рыцарских странствий с их романтизмом и персональной свободой. В эпоху Ренессанса они дополняются вояжами открытий, и наступает эра «путешествующей учености» (в том числе «мигрирующих университетов»). В новое время преобладают научные экспедиции и познавательно-образовательные туры (в том числе аристократические грантуры). Схему истории путешествий венчает туризм эпохи модерна и пост-туризм с его тотальным консюмеризмом. Автор видит в путешествии «душу Запада» и источник нового

в истории: «Путешествие — центральная, а не периферийная сила исторических трансформаций», реорганизации и территориализации человечества, ибо «границы делаются теми, кто их пересекает». ⁸

Схема в стиле евро-эволюционизма по-своему стройна, но столь же уязвима: исходная ступень «страдания» не вполне антропологична, поскольку для семитов-кочевников, давших миру великие религии, номадизм изначально был образом жизни, а не проклятием; и для эллинов одиссея была призванием, а не наказанием. ⁹ Столь же сомнительно выделение последовательных фаз ритуального, военного и научного паломничества, поскольку за ними стоят разные по деятельностной схеме персонажи одной эпохи. Не отдал должное Лид и ведущему мотиву европейских путешествий — поиску колоний и доминирования, которое в эпоху глобальной колонизации обеспечивало высокий социальный статус и персональную свободу.

Восточные путешествия обычно остаются вне эволюционных схем, если сколько-нибудь не напоминают западные образцы, вроде экспедиций адмирала Чжэн Хэ и «научных странствий» буддистских монахов. Между тем азиатские путешествия разного статуса и характера, от шестивий императоров и посольских миссий до странствий монахов и скитаний дервишей, создавали и поддерживали связи внутри стран и между ними. В мотивах этих путешествий преобладают поручения правителя или побуждения веры.

В 138 г. до н. э. китайский дипломат Чжань-цянью во главе миссии свыше ста человек отправился по воле императора У-ди в поездку к юэчжам для склонения их к войне с хунну. Посольство пыталось обойти стороной земли хунну, но угодило в десятилетний плен. Неволю Чжань-цянью скрасила подаренная хуннским шаньюем жена, родившая ему сына. Это не помешало ему бежать из плена (с женой, сыном и рабом-хунну) и тут же, как ни в чем не бывало, возобновить заданную десять лет назад миссию. Двигаясь на запад, он с успехом посетил Даюань (Фергану) и Кангюй (Согдиану), но в стане юэчжей его ждало разочарование: за истекший срок прежний правитель, воевавший с хунну, погиб, а его наследник, захвативший богатые земли Бактрии, не собирался конфликтовать с хунну. Чжань-цянью

⁶ В русском языке слово путный (от путь) тоже содержит значение «дельный», «основательный».

⁷ Leed E. J. *The Mind of the Traveler: From Gilgamesh to Global Tourism*. New York, 1991. P. 5–8.

⁸ *Ibid.* P. 10–14, 18, 146–148.

⁹ См.: Головнёв А. В. Указ соч. С. 46–50.

с китайским терпением еще год тщетно ждал перемены настроения вождя юэчжей. Обратный путь в Китай стоил ему второго хуннского плена, на этот раз годовичного. В очередной раз бежав из плена, Чжань-цянй завершил тринадцатилетний дипломатический тур длиной в шесть тысяч миль и предстал перед императором У-ди с обстоятельным рапортом о странах и путях Центральной Азии. Сведения и связи дипломата открыли эпоху Шелкового пути — торговых, политических и миссионерских контактов Китая и Центральной Азии. С. Гош и П. Стернс сравнивают Чжань-цянй с Геродотом, при этом если грек «описывает свои путешествия отчасти для развлечения», то «китайский посланник целиком сосредоточен на деле».¹⁰

«Буддистский стиль» восточных путешествий виден в семнадцатилетнем (629–645) странствии китайского монаха Сюань-цзана, отправившегося в Индию за не переведенными или неточно переведенными на китайский язык санскритскими текстами Махаяны. Своим подвижничеством Сюань-цзан намеревался разрешить доктринальные споры, разделявшие китайских буддистов. Зная о запрете в Китае вольных путешествий, он подал императору Тай-цзуну прошение о посещении Индии, но ответа не получил. Тогда он скрытно выехал из Чаньяня караванным путем на запад в компании другого монаха, возвращавшегося из столицы домой, в Ганьсу. Власти Ганьсу остановили Сюань-цзана, но местные монахи пришли ему на выручку, тайно под покровом ночи сопроводив в дорогу. Чиновник, впечатленный святостью монаха, порвал ордер на его арест и пожелал скорого пути. Миновав Нефритовые Врата на западной границе Китая, Сюань-цзан пересек «пустыню смерти» Такла-Макан и добрался до Турфана, где его приютила многолюдная буддистская община. Побывав в Западно-Тюркском каганате и Самарканде, он через памирские Железные Врата и Бактрию достиг Индии. Здесь он посетил священные места рождения, просветления, первой проповеди, смерти, тени и следов Будды, а также ряд монастырей и университет Наланда — центр буддистской учености VII в., где провел пять лет за изучением санскрита и священных текстов. В конце своего ученого паломничества он уже читал в Индии

лекции и участвовал в религиозных диспутах. По возвращении в Китай он был милостиво принят императором Тай-цзуну, благожелательность которого, невзирая на своеволие монаха, может быть отчасти объяснена его собственной приверженностью буддизму. Впрочем, монах вновь проявил характер и на предложение императора стать его советником ответил просьбой обеспечить переводы рукописей. Остаток жизни Сюань-цзан посвятил переводам и обучению буддистских монахов, для которых сам стал объектом почитания и паломничества. В запутанной истории отношений императора и монаха есть знаменательное совпадение: в своей экспансионистской политике Тай-цзун, будто следуя путями Сюань-цзана, установил контроль Китая над Синьцзяном, Кашгаром, Хотаном, Турфаном, Кучаром, монгольскими степями.¹¹

На первый взгляд, китайские путешественники не блещут романтическим героизмом аргонавтов или рыцарей Круглого стола. Однако в истории Востока они предстают не только неутомимыми миссионерами верховной власти (Чжань-цянй) и высокой религии (Сюань-цзан), но и яркими персонами. На их долю выпали и суровые испытания, и опасные искушения, и противоборство с политическими гигантами, и риск персональных решений. В контексте своей культуры они — выдающиеся личности и архитекторы новой социальной реальности. Их причислению к пантеону великих путешественников мешает лишь скромность риторики восточных травелогов, в отличие от цветистости западных аналогов.

Буддистское движение в Азии было перекрыто экспансией ислама. В VII–VIII вв. Омайяды создали замкнутую на Дамаск имперскую сеть коммуникаций (*барид*), включавшую транспорт и постоянные дворы; при Аббасидах она переориентировалась на Багдад и расширилась от Индии до Атлантики; исламские мореходы проложили пути от Иберии и Марокко до Индонезии и Мозамбика, а паломники — к арабской Мекке. О значимости путешествий в исламском мире свидетельствует то, что путеописания (*рихла*) стали основным жанром мусульманской литературы.

Ибн Баттута (1304–1377) иногда удостоивается звания величайшего путешественника мира. Сын марокканского кади из Танжера и сам по

¹⁰ Gosch S. S., Stearns P. N. *Premodern travel in world history*. New York; London, 2008. P. 60, 61.

¹¹ См.: Сюань-цзан. *Записки о западных странах Великой Тан* (Да Тан си юй цзи). М., 2012; Gosch S. S., Stearns P. N. *Op. cit.* P. 75–91, 98.

образованию правовед, он охватил странствиями всю умму от Испании до Мали, Сомали и Индонезии. Начал он с паломничества 1325 г. в Мекку, затем еще дважды возвращался к «священному дому» Каабы. Его пути прошли через Магриб, Египет, Палестину, Сирию, Йемен, Сомали, Персию, Золотую Орду, Крым, Астрахань, Константинополь, Ургенч, Самарканд, Бухару, Индию (Делийский султанат), Мальдивы, Шри Ланку, Бирму, Малайзию, Суматру и Китай. После возвращения в Танжер четверть века спустя он дополнительно посетил Испанию и Мали. Если в начале пути он был не чужд романтики (мечту о дальних странах, Индии и Китае, в нем заронил суфийский мистик), то в дальнейшем преобладала прагматика: Ибн Баттута реализовал свои профессиональные возможности в «землях исламского права» (*дар аль-Ислам*). Этому способствовал удачный статусный ход: получив образование в Марокко, юристом он объявил себя в Мекке, и впоследствии его всюду сопровождал ореол кади из Мекки. В Делийский султанат он прибыл в расчете на высокую должность и восемь лет служил султану в качестве кади и факиха, а затем отправился в Китай в роли делийского посла. В пределах уммы он вел себя как миссионер мусульманского права и находил должный прием (в том числе благодаря поддержке суфийских общин), но как только заступал за ее границы, ощущал неудобства (например, в Китае, который описал настолько скупно, что вызвал подозрения в реальности своей поездки в Поднебесную). Он зарабатывал тем, что продавал свою ученость на окраинах исламского мира — принцам Южной Азии и Африки (Дели, Мальдивы, Мали). Его коллеги-юристы отмечали скромность его познаний в фикхе и шариате, что не исключало, а по-своему стимулировало его поездки по окраинам *дар аль-Ислам*, где его охотно принимали и признавали.¹² Путешествия Ибн Баттуты напоминают гастроли по обширной умме для удовлетворения собственных статусных, познавательных и материальных потребностей. Вместе с тем, подобно другим подвижникам ислама, он играл роль мобильного медиума уммы. Ибн Баттута одновременно просвещал и изучал: плодом его путешествий стало выдающееся по полноте описание стран и народов ислама.

Мировыми оказались религии, миссионеры которых не сидели в храмах, а путешество-

вали. Передвижения миссионеров, паломников и отшельников различались по масштабу и характеру (например, буддизму чужды военные экспедиции), но все они были шагами религиозной экспансии. Вопреки стереотипу, большинство путешественников — не индивидуалисты-эскаписты, а агенты коммуникации. К их числу относятся и царствующие особы, и дипломаты, и миссионеры, и странствующие юристы и артисты.

Самыми активными агентами коммуникации в мировой истории выступали кочевники — носители магистральных культур, связывавших оседлые народы, рождавших мобильные политические элиты. Однако номадов путешественниками обычно не называют, поскольку, согласно клише, путешественнику положено отправляться из точки оседлости и возвращаться в нее, к тому же описывать свои похождения в травелог. По канону, путешествие возможно лишь на фоне оседлости — своей и чужой. У кочевника, наоборот, устойчивым фоном является движение, а оседлость — аномалией. Означает ли это, что для кочевника «путешествием» (изнанкой бытия) оказывается состояние статики, путе-пауза? Иными словами, можно ли в нарушение клише считать кочевника путешественником?

Думаю, что номадизм представляет собой абсолютный вариант путешествия, а в сравнении с «европейской классикой» — гипертрофированный. Кочевнику свойственно все, что характеризует путешествие: движение, большие расстояния, пересечение границ, динамика наблюдений и впечатлений. Как показывает история степей, масштабы кочевий динамичны и пространственно пульсировали от локального пастушеского маршрута до экспансии орды-империи. При этом, в отличие от тревожного на пограничье европейца, кочевник непринужденно преодолевает границы, превращается из посетителя в покорителя, «все свое носит с собой». В оседлых культурах путешествие — аномалия и подвиг, в кочевых — рутина. Впрочем, и в кочевом движении есть свои экстримы: войны, облавы, дальние разведки, ритуальные паломничества.¹³ Кочевники настолько пропитаны путешествием, что иначе не представляют себе жизни (и смерть для них — путешествие). В кочевой мифологии

¹² См.: Dunn R. E. The adventures of Ibn Battuta: A Muslim Traveler of the 14th Century. Berkeley, 2005. P. 39–64, 126–129, 282–287.

¹³ См.: Головнёв А. В. Путь к Семи Чумам // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 208–236. Он же. Кочевье, путешествие и нео-номадизм // Урал. ист. вестн. 2014. № 4 (45). С. 121, 122.

боги и герои путешествуют, не ведая преград, по земле, небу и преисподней, летают на Луну, кочуют на облаках. Экскурс в иные миры мог бы показаться избыточным, если бы фантастические образы и видения не роднили мифологию кочевников и путешественников.

В какой-то мере приведенный обзор разочаровывает общераспространенностью путешествия. Им оказывается и путешествие по службе, и путешествие по вере, и путешествие «по жизни» (кочевание). Более того, по уровню динамики «классический» путешественник-европеец выглядит бледной тенью степного кочевника. Правда, по масштабу европейские путешествия достигли глобальности, а кочевые ограничились открытыми пространствами континента. Европейцев в путешествии мотивирует поиск колоний и доминирования («свободы»), персональной славы и открытий; номадов — власть над пространством и ритм обыденного движения; китайцев — имперская и религиозная значимость; русских — царская/божья воля, заморские искушения и «гуляния». При этом разные культуры сходны тем, что путешествия образуют в них многоярусные композиции, слои которых соответствуют социальным стратам и деятельностным полям.

Главное в путешествии — движение, пересечение границ и открытие нового (для себя) мира. Правда, одним людям нравятся границы, другим — их преодоление. Есть у синдрома границы и культурные основания: локальные культуры хранят границы, магистральные — их пересекают. Используя популярную в антропологии игру слов *roots/routes*, можно сказать, что первые культивируют «корни» (*roots*), вторые — «пути» (*routes*), или, в терминах Дж. Клиффорда, первые — «обитающие» (*dwelling*), вторые — «путешествующие» (*traveling*).¹⁴

Образы мира и себя

Благодаря русскому эмигранту Лео Багрову и созданному им в 1935 г. журналу “*Imago Mundi*”, образ мира ныне прочно ассоциируется с картографией. На самом деле это лишь поздняя рационально-схематизированная проекция мира. Под тем же названием всемирную популярность приобрел инициированный Лучиано Бенеттоном проект коллекции-выставки рисунков и фотографий, передающих многообразие мира — будто в противовес однообразию

карт. Несмотря на обилие научных схем, люди по-прежнему воспринимают мир «вручную», умещая его образ в рисунке или воспроизводя в дизайне собственного дома (не случайно «ойкумена» образована от понятия «ойкос» — дом). Человек не только представляет мир по собственному подобию, но и стремится доступными способами, от наскального рисунка до фотографии, отметить свое в нем присутствие.

Во многих мифологиях моделью мира служит «космический человек»: китайский Паньгу, индийский Пуруша, библейский Адам, иранские Ормазд и Гайомарт, орфический Зевс, египетский Птах, древнегерманский Имир. Лежащим человеком представлен мир в древнегреческом трактате VI в. до н. э. «О [числе] семь»: ойкумена «в качестве головы имеет Пелопоннес, местожительство благомыслящих людей; Истм, соответствующий спинному хребту; Ионию — в качестве грудобрюшной преграды; Геллеспонт — в качестве бедра; Фракийский и Киммерийский Боспор — в качестве ног; Египет и Египетское море — в качестве (верхней части) живота; Понт Евксинский и Меотиду — в качестве (нижней части) живота и прямой кишки». ¹⁵ К этому же ряду относятся образы матери-земли: греческая Гея (Хтония), римская Теллус, славянская Мать Сыра Земля. Человекоподобие мира выражено и в универсальной четверичности пространственных измерений: «Выбор числа четыре идет от симметрии самого человеческого тела — симметрии, которая задает четырехчастное деление горизонта на переднюю и заднюю, левую и правую стороны». ¹⁶

Мир (каждый из миров) воспринимается центрично, и картографы с древности помещают в центр карты собственную страну. По наблюдениям А. В. Подосинова, «центризм, вернее, эгоцентризм картины мира составляет основу, начало, первичный принцип, исходный пункт любой ориентации в древних культурах». Религиозный и политический «эгоцентризм» определяет срединной свою страну: Чжун го китайцев, *Madhyadeṣa* индийцев, Мидгард древних германцев, Орто Дойду якутов. Евреи считали «пупом Земли» Иерусалим, эллины — Дельфы, мусульмане — Мекку. Ответственность за центризм брали на себя монархи, именуя и изображая себя как *axis mundi* (ось мира): Тиглатпаласар III титуловался «царь

¹⁴ См.: Clifford J. *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge (MA), 1997. P. 17–46.

¹⁵ Подосинов А. В. *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*. М., 1999. С. 495–498.

¹⁶ Gordon B. L. *Sacred directions, orientation, and the top of the map // History of Religions*. Chicago, 1971. № 10. P. 211.

вселенной, царь Ассирии, царь Шумера и Аккада, царь четырех частей [света]». Китайский император на жертвоприношениях надевал оплечье *юнь цзянь*, четыре лопасти которого символизировали стороны света, а сам Сын Неба — «ось мира». *Imago mundi* обозначает не только собственную избранность, но и отношение к соседям: например, в описании Абдаллаха, исламского автора VII в., «Земля по своей форме делится на пять частей, как голова птицы, два крыла, грудь и хвост. Голова мира — Китай, а за Китаем народ, который называется Вак-Вак, а за Вак-Ваком столько народов, что их может счесть только Аллах. Правое крыло — Хинд [Индия], а позади Хинда море и нет за ним тварей. Левое крыло — хазары... Грудь мира — Мекка, Хиджас, Сирия, Ирак и Египет, а хвост — от Заг ал-Хумам к западу. И худшее, что в птице, — хвост».¹⁷

Эта «игра в карты» стараниями европейских географов и путешественников со временем стала частью геополитики, а карта приобрела значение хартии (документа права). В колонизационной лихорадке европейские мореходы наперегонки называли, а географы наносили на карты открываемые земли, приписывая им имена метрополий: ойкумена заpestрела определениями *nova, new, nieuw* — «новыми» Англией, Голландией, Зеландией, Шотландией, Амстердамом, Йорком, Гемпширом, Орлеаном. Открытия нередко оказывались переименованиями территорий и акваторий на свой лад. В этом смысле путешествие было средством не только познания, но и преобразования мира. Причастность к переделу мира сыграла не последнюю роль в том, что путешествие стало делом престижа и моды.

Несмотря на значимость в творении картины мира, путешествие с древности имело и до сих пор сохраняет оттенок трикстерства. В этом отношении *imago mundi* — всегда сколько-нибудь карикатура, и слишком серьезное его толкование выглядит комично. Барон Мюнхгаузен — лишь отчасти пародийный персонаж. Фантазии, фикции, плагиат, мифы во все времена окружали путешествие. Плутарх назвал Геродота «отцом лжи», а Марко Поло считали собирателем диковин. Как заметил Ф. Артог, «любой рассказ путешественника, претендующий на доверие, должен содержать категорию *thoma* (чудеса и странности)».¹⁸ На смену од-

ним мифам приходили другие: античных богов, циклопов, гигантов, пигмеев и амазонок заменили храмы, мощи, чудеса новых религий, а затем аттракционы туризма.

Путешественник не только творит иллюзии, но и сам нередко превращается в иллюзию. В отрыве от домашнего мира происходит освобождение от привычных социальных уз и «отчуждение себя»; в одних случаях это ведет к переживаниям и колебаниям, в других служит средством избавления от прежних пороков и приобретения новых качеств.¹⁹

Историко-антропологические портреты южноевропейских путешественников эпохи Возрождения впечатляют многоликостью. Кириако из Анконы в разных обстоятельствах выступает то купцом и антикваром, то дипломатом и шпионом, то претендентом на звание гуманиста. Идальго Перо Тафур предстает то странствующим рыцарем, то поборником реконкисты, то паломником, то соискателем высокого статуса и родства.²⁰ Их современник Афанасий Никитин, оставаясь купцом и христианином, постился «по-бесерменски» и носил «бесерменское» имя ходжа Исуф Хоросани, а к соотечественникам обращался со словами: «О благоверные христиане русские! Кто по многим землям плавает, тот во многие беды попадает и веру христианскую теряет». Кажущаяся несовместимость этих ролей представляется естественным путешествием — калейдоскопа идентичностей.

Ф. Пирар описал обряд преображения португальцев при прохождении мыса Доброй Надежды по пути в Индию: «Все солдаты и моряки, после прохождения мыса давали [друг другу] благородные звания, иначе они были бы подвергнуты упрекам и презрению со стороны других португальцев, живущих в Индии». В знак расставания с прошлым они выбрасывали в море свои ложки и предавали забвению прежние манеры и привычки: в Индии все португальцы, независимо от их статуса на родине, вели себя как джентльмены, претендующие на соответствующее отношение со стороны туземцев. Так «деревенский карл» в путешествии превращался в джентльмена, или *homo blanco* — «белого человека».²¹

¹⁹ См.: Leed E. J. Op. cit. P. 45, 46.

²⁰ См.: Белоруссова С. Ю. Антропология путешествия (южно-европейские путешественники XV в.). Saarbrücken, 2013.

²¹ См.: Pyrard F. The Voyage to the East Indies, the Maldives, the Moluccas and Brazil. Vol. 2. London, 1887. P. 120, 200, 212.

¹⁷ Подосинов А. В. Указ. соч. С. 317, 463, 466, 484, 499.

¹⁸ Hartog F. The mirror of Herodotus: The representation of the Other in the writing of history. Berkeley, 1988. P. 230.

Шотландский дворянин Джеймс Босвелл, покинув родовую усадьбу Охинлек, уже в юности сменил кальвинизм на католицизм, побывал монахом, масоном и лондонским кутилой. Отправившись в гран-тур по Европе в 1764–1766 гг., он преуспел в знакомствах с аристократией и в любовных похождениях. Перевоплощения придавали особый колорит его путешествию. В образе британского придворного он охотился с германскими принцами на лис, в Женеве в амплу философа беседовал с Руссо. Из Берлина в Брансвик он ехал в общем почтовом вагоне с простолюдинами под именем французского купца Шеридана, но на последней станции пересел в отдельное купе, «чтобы прибыть в Брансвик как джентльмен». Вскоре он уже танцевал с принцессой Брансвика и был польщен тем, что его приняли за герцога, когда он сопровождал герцогиню в оперную ложу. В Италии он собирался предстать «не английским милордом, а просто ученым», но предпочел роль любовника. На Корсике он под видом секретного британского посланника явился к Паскалю ди Паоли, освободителю острова. Ему доставляли удовольствие «маленькие изящества»: утренний горячий шоколад в серебряной посуде; предоставляемый ему для горных прогулок конь самого Паоли, в богатой сбруе из малинового вельвета с широкой золотой тесьмой; вооруженный эскорт, сопровождавший его в горах. «Я испытывал мгновения гордости этим парадом из любопытства к опыту удовольствий от положения и почета, которыми человечество столь сильно одурманено», — оправдывал свое лицедейство Босвелл. Вернувшись в Англию, он пришел на маскарад в костюме корсиканского бандита-повстанца, с кинжалами и седельными пистолетами за поясом, и стал хитом лондонского сезона.²²

Обретение или повышение статуса — один из мотивов путешествий. У викингов королевич, совершивший походы по всем четырем сторонам «круга земного», как это сделал Эйрик Кровавая Секира,²³ получал статус конунга, даже если не имел своих владений. В Англии со времен Генриха II право на путешествие было правом свободного человека, и серф мог обрести свободу, пробыв год в путешествии. В XVII в. среди английской аристократии сложилась практика *grand tour* — отправки

сыновей в сопровождении гувернера в путешествие за границу для завершения образования. Аристократический гран-тур, обычно охватывавший Францию, Италию, Швейцарию, Германию (иногда Грецию, Ближний Восток, Испанию), положил начало европейскому туризму.²⁴

«Маскарадная» природа путешествия и туризма густо замешана на сексуальности. Еще Фрейд подметил «навязчивую связь между поездкой в поезде и сексуальностью», которую соотнес с «приятными ощущениями движения», а Гессе полагал, что «в изрядной доле наши странствия и бездомность есть любовь и эротизм». Сексуальный мотив в путешествиях обычно скрыт: «в письмах домой и дневниках люди пишут о посещении церквей, а не борделей», хотя бывают и в тех и в других местах.²⁵

Марко Поло описаниями женщин и секса в странах Востока заинтриговал всю Европу и вдохновил многих путешественников. Афанасий Никитин не упускал случая поделиться знаниями об обычаях сексуального гостеприимства и ценах на любовные утехи в Индии. Ибн Баттута в ходе путешествия женился несколько раз, начиная с первого хаджа; женитьбу на дочери мальдивского султана он сочетал с борьбой за правильное (по исламским нормам) облачение островитянок; «правильная одежда» женщин занимала его воображение и в Мали. Амурные похождения Джеймса Босвелла сопоставимы с опытом Казановы.

Э. Лид рисует картину мужского «сперматического путешествия» (*spermatic journey*) на встречу женской «эротичной оседлости». Исторически мужчины путешествовали, а женщины нет (или только под эгидой мужчин). «Гендерная активность», сочетающая мобильность мужчин и оседлость женщин, выражена в этике «двойных стандартов», например (в античной версии) в сексуальной скованности Пенелопы и сексуальной свободе Одиссея. Стимулом путешествия служит промискуитетно настроенный мужской репродуктивный поиск и возможность симбиоза с новым местом через секс. Сперматическое путешествие запечатлено в мифах о путешествующих богах, героях и патриархах, которые своей миро-создающей сексуальностью утверждают начала цивилизации.

²² См.: Boswell J. On the Grand Tour, Germany and Switzerland, 1764. New York, 1953. P. 52, 61, 75, 101, 164.

²³ Стурлусон С. Круг Земной. М., 1980. С. 59.

²⁴ См.: Leed E. J. Op. cit. P. 48, 49, 184, 185. Chaney E. The evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian cultural relations since the Renaissance. 2nd ed. London, 2000.

²⁵ См.: Littlewood I. Sultry climates: travel and sex. Cambridge, (MA), 2001. P. 1–4.

Героический поход есть по сути сперматическое путешествие, в котором мужское семя разбрасывается, укореняется в локальных утробах, порождая правящие кланы. Подвиги Геракла (в том числе совокупление с женщиной-змеей в Скифии, осеменение в одну ночь пятидесяти дочерей царя Беотии Феспия) привели к основанию царских династий Лидии, Спарты, Аргоса, Скифии. Одним из вариантов женского ответа было сексуальное гостеприимство, в том числе ритуальная (по-своему священная) проституция, описанная Геродотом у вавилонян, Страбонам у массагетов, Евсевием Кесарийским у бактрийцев, Марко Поло у многих народов Востока. Лишь у кочевников мужчины и женщины (а также их дети) путешествовали вместе. И в современных индустриальных цивилизациях путешествие более не является сугубо мужским занятием.²⁶

Возможно, поход за женщинами был исходным, если угодно натуральным, видом путешествия. Во всяком случае именно этот мотив вел путников «за тридевять земель в тридесятое царство». И кочевники не отличались сексуальной автономией; напротив, «промысел женщин» был одним из главных стимулов их дальних набегов. В этой обстановке действительно трудно представить себе женщину, путешествующую по просторам Евразии (исключение составляли паломничества и свадебные путешествия). Современная гендерная революция преобразила путешествие: сегодня во многих странах туризма местные мужчины пребывают в состоянии «сперматического ожидания» эротично путешествующих женщин.

Сексуальный транс путешествия гармонирует с переходными состояниями, причем с давних пор. В начале XIX в., когда в Англии гомосексуалистов ставили к позорному столбу и вешали на глазах восторженной толпы, многие из них путешествовали по Италии, чаще всего ехали в Неаполь, где по их поводу сложилось выражение «английский грех».²⁷ Один из самых ярких путешественников-писателей современности Жан Моррис, некогда мужчина, а затем женщина, создал(а) целую серию травелогов-бестселлеров, и Пол Фасселл находит «что-то женское (в старомодном смысле) в утонченности ее взглядов».²⁸ Этот выбор выглядит символично на фоне феминизации туризма, или, как теперь модно говорить, пост-туризма.

Кинематика путешествия, с мельканием образов и впечатлений, с обилием поворотов и ниш, позволяет реализоваться самым неожиданным желанием и настроениям. Это мелькание не только мира, но и себя. В путешествии человек настроен на новизну и ищет смены ощущений. В. Смит определил туриста как «временно отдыхающую персону, добровольно посещающую место вдали от дома ради опыта перемен», и если по возвращении турист не чувствует себя обновленным, туризм теряет смысл.²⁹

Отмеченный З. Бауманом в конце прошлого века поворот «от паломника к туристу» означает переход к консюмеризму, от целостности к фрагментации, от стратегий к фитнесу, от устойчивых идей к вариативной идентичности.³⁰ Мир сегодня открыт настолько, что целиком и по частям вписан в ассортимент туристических услуг, и на смену искателям открытий пришли агенты сервиса. Сегодняшний *imago mundi* — меню турбизнеса. Тур-аттракционы напоминают салон караоке, где под заготовленную мелодию и прописанные слова каждый может, независимо от слуха и голоса, выразить себя за умеренную плату.

В этой атмосфере ярко вспыхнула звезда селфи (*selfie*, рус. *себяшка*) — способ фото-самозапечатления с вытянутой руки или с помощью селфи-палки, на которую крепится мобильный телефон (селфи-палка — самый ходовой товар в местах скопления туристов). Цифровые технологии обеспечивают не только съемку, но и ее выкладку в кибер-сетях. Снимки далеки от изобразительной эстетики: из-за крупности кадра и эффекта «рыбьего глаза» лицо несколько расплывается, но это не уменьшает поток «себяшек», вернее потоп, наводящий на мысли о селфи-революции. Человечество будто прорвало на эго-самовыражение, дозволенное свободой кибер-сетей, и это эго пустилось в кругосветное путешествие, а может быть, и предприняло новую колонизацию планеты.

К. Мартынову селфи представляется «не столько свидетельством глобальной эпидемии нарциссизма, сколько великим демократизатором, эмансипировавшим бесчисленное множество человеческих лиц, которых больше не сдерживали ни сословия, ни звезды, ни профессиональные редакторы, ни отсутствие

²⁶ См.: Leed E. J. Op. cit. P. 113–116, 121, 224, 225.

²⁷ Littlewood I. Op. cit. P. 107.

²⁸ The Norton Book of Travel. New York, 1987. P. 715.

²⁹ См.: Smith V. Introduction // Hosts and guest: The anthropology of tourism. Philadelphia, 1977. P. 2.

³⁰ См.: Bauman Z. From pilgrim to tourist — or A short history of identity // Questions of Cultural Identity. London, 1996. P. 20–25.

массового интереса публики или профессиональных навыков». Однако при мнимой персонализации селфи делает всех «на одно лицо», поскольку люди одинаково держат фотоаппарат, одинаково наклоняются и используют одинаковую мимику вроде *duckface* (губы уткой).³¹ По обновленным сведениям из Сети, *duckface* — уже вчерашний день, сегодня на Instagram губами принято делать *fishgape* (рыбий зевок).³²

С одной стороны, селфи — бунт эго, ответ на глобальный кибер-социализм. Преобладание селфисток над селфистами указывает и на женский реванш за вековую «гендерную скованность» в до-селфи эпоху. С другой стороны, это самореализация туриста-консьюмериста, который рассматривает и использует мир как декорации для селфи. С особым настроением такие снимки делаются не дома, где лицо бытовое, а среди экзотики, где восторг победителя сопровождается жестом V.

Andrei V. Golovnev

Member of the RAS, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

ANTHROPOLOGY OF TRAVEL: FROM *IMAGO MUNDI* TO *SELFIE*

Anthropology of travel unlike the descriptions of geographic discoveries is focused on motives and perceptions of the traveler himself. Review of journeys made in various periods and countries reveals the diversity of motives of Europeans and Asians, Russians and Chinese, nomads and citizens. It is possible to talk about true hierarchy of travel which in many respects correlates with the hierarchy in society. Main thing in travel is movement, crossing borders and discovery of a new (for the traveler) world. Travel is a right to trespass, right for the discovery and appropriation of the world, and, at the same time, a method of self-assertion in this world. Despite its importance in the global landscape creation, travel from antiquity and to this day has always had some trickster flavor. A traveler in addition to creating illusions often himself becomes an illusion. One of the motives for travel is gaining or raising one's status. A "masquerade" nature of travel and tourism is stiffly mixed with sexuality. It is quite possible that the original, natural type of travel was a journey in search of women. Today's world is so open, that the whole and every small part of it is covered by tourist services, and in place of adventurous discoverers came tour agents. Today's *imago mundi* is the tourist business menu. Modern phenomenon of *selfie* is the self-expression of an ego made possible by freedom of cyber networks, and, at the same time, perception of the world as simply a background for this form of self-expression.

Keywords: *travel, anthropology, movement, imago mundi, selfie, tourism*

REFERENCES

Bauman Z. *From pilgrim to tourist — or a short history of identity*. Questions of Cultural Identity. London: Sage Publication Publ., 1996, pp. 18–36. (in English).

³¹ Маргыннов К. Селфи: Между демократизацией медиа и self-коммодификацией // Логос. 2014. № 4 (100). С. 79–82.

³² Duck Face Is Over. The New Selfie Face Is Fish Gape. URL: <http://www.cosmopolitan.com/style-beauty/beauty/news/a47461/new-selfie-face/> (дата обращения: 14.03.2016).

Путешествие — это право на чужое, на освоение и присвоение мира и в то же время способ утверждения себя в этом мире. Это состояние преобразений, игр с реальностью, запечатлений себя в иных измерениях. Туризм стал самой устойчивой модой и самой мощной индустрией мира, завершив собой эпоху дискавери. Путешествующий мир путешествует уже сам в себе, мультиплицируя туры и маршруты за счет виртуальности. И все же в путешествии остается нечто притягательно естественное: для младенца это первые шаги, для старика — память о пройденном, для паломника — путь к святилищу, для антрополога — «поле». Таким полем может быть и само путешествие, в котором, как в лабиринте, не видно выхода, зато состояние-в-пути оказывается особо значимым для самопознания человека.

- Belorussova S. Yu.** *Antropologiya puteshestviya (yuzhnoevropeyskie puteshestvenniki XV veka)* [Travel anthropology (South European travelers of the 15th century)]. Saarbrücken: Lambert Publ., 2013. 143 p. (in Russ.).
- Chaney E.** *The evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian cultural relations since the Renaissance*. London: Frank Cass and Co. Publ., 2000. 426 p. (in English).
- Clifford J.** *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press Publ., 1997. 416 p. (in English).
- Dunn R. E.** *The adventures of Ibn Battuta: A Muslim Traveler of the 14th Century*. Berkeley: University of California Press Publ., 2005. 379 p. (in English).
- Fussell P. (ed.)**. *The Norton Book of Travel*. New York: W. W. Norton Publ., 1987. 832 p. (in English).
- Golovnev A. V.** *Fenomen kolonizatsii* [Phenomenon of Colonization]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ., 2015. 592 p. (in Russ.).
- Golovnev A. V.** *Kocheve, puteshestvie i neo-nomadizm* [Migration, travel and neo-nomadism]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2014, no. 4 (45), pp. 133–138. (in Russ.).
- Golovnev A. V.** *Put k Semi Chumam* [Way to Seven Tents]. *Drevnosti Yamala – Antiquities of Yamal*, no. 1. Ekaterinburg; Salekhard: UrO RAS Publ., 2000, pp. 208–236. (in Russ.).
- Gordon B. L.** *Sacred directions, orientation, and the top of the map*. *History of Religions*, 1971, no. 10, pp. 211–227. (in English).
- Gosch S. S., Stearns P. N.** *Premodern travel in world history*. New York; London: Routledge Publ., 2008. 183 p. (in English).
- Hartog F.** *The mirror of Herodotus: The representation of the Other in the writing of history*. Berkeley: University of California Press Publ., 1988. 386 p. (in English).
- Leed E. J.** *The Mind of the Traveler: From Gilgamesh to Global Tourism*. New York: Basic Books Publ., 1991. 352 p. (in English).
- Littlewood I.** *Sultry climates: travel and sex*. Cambridge, MA: Da Capo Press Publ., 2001. 256 p. (in English).
- Marozzi J.** *The man who invented history: Travels with Herodotus*. London: John Murray Publ., 2008. 400 p. (in English).
- Martynov K.** *Selfi: Mezhdru demokratizatsiei media i self-kommodifikatsiei* [Selfie: Between democratization of media and a self-kommodifikation]. *Logos*, 2014, no. 4 (100), pp. 73–86. (in Russ.).
- Podosinov A. V.** *Ex oriente lux! Orientatsiya po stranam sveta v arkhaiskikh kulturakh Yevrazii* [Ex oriente lux! Orientation on cardinal directions in archaic cultures of Eurasia]. Moscow: “Yazyki russkoy kultury” Publ., 1999. 720 p. (in Russ.).
- Smith V.** *Introduction. Hosts and guests: The anthropology of tourism*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press Publ., 1977, pp. 1–14. (in English).

Тайский танцор: селфи

Семейный ужин в ресторане: селфи.
Фото А. В. Головнёва. Таиланд, 2015 г.

Селфи в Андаманском море.
Фото А. В. Головнёва. Таиланд, 2015 г.